

Послеполуденное солнце пробивалось сквозь жалюзи, расчерчивая пол в открытом офисе полосами света и тени.

Гао Ту сидел на своем рабочем месте, механически стуча пальцами по клавиатуре, пытаясь утопить сумбур в мыслях в бесконечных таблицах с отчетами.

Действие сильного ингибитора немного притупило физическую усталость и недомогание, но холодная фраза Шэнь Вэньлана — Хуа Юн принадлежит мне — и удушающее давление феромонов во время утренней стычки с Шэн Шаою по-прежнему обвивали его сердце, словно ледяные лианы, причиняя тупую, ноющую боль.

Дверь в кабинет генерального директора оставалась закрытой: Шэнь Вэньлан и Шэн Шаою находились там уже долгое время.

Гао Ту не смел даже представлять, что происходит внутри, — любая догадка вызывала спазм в желудке. Он был всего лишь незначительным секретарем, смешным человеком, который десять лет безответно любил своего начальника и которого теперь собирались выбросить за ненадобностью.

В этот момент экран телефона на столе загорелся, и вибрирующий звук показался пугающе громким в притихшем офисе. Звонил неизвестный местный номер.

Сердце Гао Ту необъяснимо дрогнуло, предчувствуя недоброе. Он взял телефон и быстрым шагом направился в зону отдыха в конце коридора.

— Здравствуйте, это господин Гао Ту? — на том конце прозвучал вежливый, но сухой женский голос.

— Да, это я. Кто говорит? — в голосе Гао Ту сквозило едва уловимое напряжение.

— Это финансовый отдел стационара Первой городской больницы. Мы звоним, чтобы сообщить: расходы на лечение вашей сестры, госпожи Гао Цин, за текущий и три последующих курса полностью погашены.

Гао Ту крепко сжал телефон, костяшки пальцев побелели, а в голове на мгновение возникла пустота.

— Полностью... погашены? Вы хотите сказать...

— Да, господин Гао. Сегодня утром поступил крупный денежный перевод, покрывший всё разом. В примечании к платежу указана Шэнь Групп. Полагаю, это целевая помощь от вашей компании? Это стало настоящим спасением. Пожалуйста, передайте нашу благодарность Шэнь Групп.

Голос собеседницы звучал с облегчением.

Шэнь... Шэнь Групп?

Гао Ту застыл на месте, словно пораженный молнией. В ушах звенело, слова на том конце провода доносились будто сквозь толщу воды.

Шэнь Групп! Кто, кроме Шэнь Вэньлана, мог так быстро и бесшумно перевести такую огромную сумму?

Это он! Это точно он!

Но почему? Еще утром он был готов сцепиться с Шэн Шаою из-за Хуа Юна и, вероятно, испытывал лишь раздражение к своему назойливому секретарю. Почему же теперь он без лишних слов сделал такое? Узнал о болезни Гао Цин, когда наводил справки? Или...

Бесчисленные мысли хлынули в сознание Гао Ту, смешиваясь с невероятным шоком, огромной благодарностью за спасение и еще более глубоким чувством страха и горечи, готовым поглотить его целиком.

Он вспомнил свою тайную, обреченную любовь, свои планы уйти и забыть всё, холодность Шэнь Вэньлана, когда тот заявил о своих правах на Хуа Юна... А теперь Шэнь Вэньлан, даже не поставив его в известность, решил самую страшную проблему, которая не давала ему дышать.

Что это значит? Последняя милость и компенсация от начальника за долгие годы службы? Выходное пособие? Он хочет этой крупной суммой выкупить десять лет его преданности, выкупить все его неуместные чувства и заставить его исчезнуть раз и навсегда?

От этой мысли Гао Ту бросило в ледяной погреб. Только что возникшая благодарность сменилась ужасом и острой болью. Если такова цена, то она слишком велика.

Даже если он ничтожен и жалок, он не позволит закончить всё таким образом! Эти деньги он обязан вернуть! До последней копейки!

Вернувшись на рабочее место, он долго сидел неподвижно, пока не раздался резкий звонок по внутренней линии: Шэнь Вэньлан требовал срочные документы.

Гао Ту глубоко вздохнул, с силой уцепился за ладонь, заставляя болью привести чувства в порядок. Он взял бумаги и направился к двери, символизирующей власть и непреодолимую дистанцию.

Перед тем как постучать, он поправил воротник рубашки, убедившись, что выглядит

безупречно.

— Войди, — донесся низкий голос Шэнь Вэньлана.

Гао Ту вошел. В кабинете был только Шэнь Вэньлан. Он сидел за массивным столом, склонившись над документами, его профиль был холодным и жестким.

В воздухе, казалось, еще витал шлейф ледяных феромонов высшего альфы и тот самый сладкий, фальшивый аромат Хуа Юна, от которого сердце Гао Ту сжималось от боли.

Он опустил глаза и положил документы на край стола:

— Господин Шэнь, документы, которые вы просили.

Шэнь Вэньлан даже не поднял головы, лишь коротко хмыкнул, и перо зашуршало по бумаге.

Гао Ту стоял на месте, сердце бешено колотилось. Слова благодарности вертелись на языке, но важнее было обозначить свою позицию. Он боялся услышать подтверждение своим догадкам, боялся, что это действительно прощальный ужин, но еще больше он боялся потерять остатки собственного достоинства.

Наконец, собрав остатки мужества, он произнес — голос дрожал, но каждое слово звучало отчетливо:

— Господин Шэнь... Мне только что звонили из больницы... сказали, что счета за лечение моей сестры, Гао Цин, оплачены... Благодарю вас.

Шэнь Вэньлан наконец поднял голову. Его взгляд, спокойный и глубокий, словно ледяное озеро, скользнул по секретарю, не выражая никаких эмоций. Он ответил кратко:

— Мгм, я в курсе. Занимайся лечением сестры, об остальном не думай.

Это небрежное, чисто деловое отношение окатило Гао Ту, словно ледяной водой.

Но он не отступил. Глубоко вдохнув, он встретил взгляд Шэнь Вэньлана. Несмотря на то что пальцы рук слегка подрагивали, голос обрел невиданную прежде твердость:

— Господин Шэнь, сумма огромна. Я верну вам эти деньги. Я составлю подробный план выплат, буду отдавать частями, до последней копейки, с процентами. Пожалуйста... дайте мне время.

Сказав это, он потратил все свои силы. Он пристально смотрел на Шэнь Вэньлана, не упуская

ни малейшего изменения в выражении его лица, словно ожидая окончательного приговора.

Шэнь Вэньлан явно не ожидал такого поворота. Он перестал подписывать бумаги, поднял глаза и снова посмотрел на Гао Ту, в его взгляде читалось едва заметное изумление. В глазах секретаря больше не было привычной покорности — лишь решимость человека, сжигающего за собой мосты, и несгибаемое упрямство.

Воздух в кабинете застыл на несколько секунд.

Шэнь Вэньлан смотрел на бледное, но упрямое лицо Гао Ту, на его слегка дрожащую, но выпрямленную спину. Взгляд его оставался непроницаемым. Спустя долгое время он медленно ответил, и в его голосе невозможно было уловить ни гнева, ни радости:

— Как хочешь.

Всего два слова. Ни принятия, ни отказа — будто настойчивость Гао Ту для него ничего не значила.

Но для Гао Ту этого было достаточно. По крайней мере, он отстоял свой последний рубеж, не позволив этой милости превратиться в подачку, которая раздавила бы его окончательно.

— Благодарю, господин Шэнь, — Гао Ту снова опустил голову. Голос его звучал напряженно, но в нем появилось облегчение. Не задерживаясь, он развернулся и вышел.

Дверь за его спиной тихо закрылась.

Гао Ту прислонился к холодной стене и медленно сполз на пол, закрыв лицо руками.

Слезы беззвучно хлынули из глаз — не от горя, а от сложной смеси огромного давления, унижения и крошечной крупички достоинства.

Этот огромный долг стал новой горой, навалившейся на его плечи. Но он знал, что обязан вынести этот груз.

Это нужно было не только ради сестры, но и ради него самого. Он не мог позволить десяти годам безответной любви закончиться жалким положением должника.

Выплата долга стала единственной ясной и тяжелой целью на долгие годы вперед.

И последней, пускай и холодной, нитью, связывающей его с Шэнь Вэньланом, помимо отношений начальника и подчиненного.

<http://bllate.org/book/19762/1946123>